

The background of the book cover is a vibrant, fiery orange and yellow texture, resembling molten lava or a close-up of a sun's surface. Overlaid on this background is a large, thick black crosshair or target symbol. The crosshair consists of a vertical line, a horizontal line, and a circle centered at their intersection. The text is positioned within the upper right quadrant of the cover, partially overlapping the crosshair and the fiery background.

ИЛЬЯ БУШМИН

ВТОРЖЕНИЕ

Илья Бушмин

Вторжение

«Издательские решения»

Бушмин И.

Вторжение / И. Бушмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740141-2

Штормовым предупреждением грозят синоптики сонному городку на южных рубежах России. Одновременно здесь происходит череда неслыханных для этой глуши преступлений — киднеппинг, убийства и пытки, покушения на полицейских... Все нити ведут к огромной партии наркотиков, оказавшейся в городе. Стражам порядка удастся изъять рекордные 100 килограммов героина. Но это оказывается только началом. Потому что вместе с грозой на сельскую полицию обрушивается беда куда страшнее...

ISBN 978-5-44-740141-2

© Бушмин И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
@	8
!...	11
-	13
&	17
\$	21
—? —	24
Ъ	29
#	31
...	34
:(37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вторжение

Илья Бушмин

*«Горюй и думай прежде, чем ты сделаешь какое-либо решение.
Но если ты его сделал, то будь на своем пути свободным от забот
и мыслей. Будет миллион других решений еще ожидать тебя. В этом
путь война»*

Карлос Кастанеда

«Отдельная реальность»

© Илья Бушмин, 2016

© pixabay.com, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4474-0141-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Автомат отчаянно грохотал, изрыгая пули одну за другой. Огнедышащий ствол полицейской модификации Калашникова стрекотал в темноте и поливал огнем черный внедорожник на залитой ливнем улице. Внедорожник ревел, выдирая с помощью стального троса тяжёлую и намертво вмонтированную в стену решетку. С грохотом и треском решетка вылетела из оконного проема и покатила за джипом, открывая банде убийц дорогу внутрь.

Внутрь ОВД.

– Суки! – кричал Володя, холодея. – Суки!!!

Сквозь рев дождя, который стоял непроницаемой чуть наклонной стеной, Володя не увидел, достал он водителя внедорожника или нет. Он различил лишь квадратную покореженную решетку, которая пронеслась по грязи за машиной.

А потом с оглушительным звоном о решетку окна, из которого Володя вел огонь по ублюдкам, разлетелась бутылка с зажигательной смесью. Осколки, в мгновение ока охваченные пламенем от фитиля-перчатки, разлетелись в разные стороны, неся на своих острых крыльях пламя и смерть. Володя шарахнулся в сторону, ощущая, как раскаленные и горячие куски пропитанного горючим стекла вонзаются в его лицо.

– Аааа! – завопил он, плюхаясь на пол. Володя, голося и извиваясь на протертом линолеуме, принялся лихорадочно колотить себя ладонями по лицу. Куски застрявшего в коже стекла резали пальцы, но Володя не чувствовал ничего кроме дикого всепоглощающего жара.

Он кричал во всю глотку и отчаянно шлепал и царапал себя по лицу, пока не понял, что осколков больше нет. Кабинет озаряло яркое пламя, выходящее по решетке окна. В этом зареве Володя взглянул на свои изрезанные пальцы, и вдруг сообразил, что безоружен.

Калашников лежал в метре от него. Володя дернул руку, хватая автомат за горячий ствол. В этот момент клубок огня хохочущей элементарью сорвался с решетки. Прыгнув на рукав полицейской формы, огонь в мгновение ока охватил всю ткань. Кожу руки обдало таким жаром, что Володя заверещал, срывая голос.

Животно воя, он бросился в сторону. Мозг взрывался от ужаса – Володя даже не понимал, в каком положении находится. Кажется, он упал. Володя отчаянно колотил себя по руке, но форменный рукав лишь полыхал все сильнее. Володя чувствовал всем своим содрогающимся телом, как начинает гореть и обугливаться его кожа.

– АААА!!

Ужас подстегнул, и Володя мощным рывком сорвал полыхающий рукав. Ткань треснула по швам. Оторвав полыхающий кусок формы, Володя отшвырнул его в сторону и схватился за обнаженную и обожженную руку. Кожа дымилась и пузырилась, но – слава Богу! – не горела.

– Б... дь, твою мать, б... дь! – не выдержав, отчаянно заскулил Володя. Он слышал собственный голос, как во сне.

Только не сгореть! Только не сгореть!

А потом его грудь словно что-то пронзило, и Володя закашлялся. Его скрутило от глубокого кашля, который шел из самого нутра. Голова кружилась. Дым, с ужасом понял он. Володя заставил себя уткнуться лицом в рукав левой руки и дышать через него, как через респиратор.

Володя распахнул глаза. Небольшой кабинет – стол, сейф, шкаф, стандартная обстановка практически любого помещения в практически любом ОВД страны – был объят огнем и дымом. Дьявольские куски горячей стихии прыгали с решетки, разлетаясь по полу, перескакивая с линолеума на стены и мебель.

Володя снова закашлялся – рукав не помогал. Закашлялся так, что ему казалось – сейчас с кашлем он выплюнет свои легкие. Володю выворачивало наизнанку.

Он попытался встать, но не смог и рухнул на пол. Глаза слезились, и кроме пелены, по которой плясали огненные вихри, Володя не видел ничего перед собой. Он хватанул воздух полной грудью, но в легкие врывался лишь едкий черный дым.

Мозг пронзила полная ужаса мысль: дышать!!

Хрипя, заливаясь слезами и не видя перед собой ничего, кроме пламенных скачущих чертей, Володя пополз наугад.

А вокруг царил настоящий ад. Где-то за коридором, в одном из кабинете напротив, что-то истошно орал дежурный. Тут же раздался мощный взрыв и следом за ним – грохот обрушивающегося фрагмента стены, разнесенного в клочья снарядом из подствольного гранатомета. В ответ отчаянно стрекотали автоматы.

А толпа убийц перед зданием ОВД не унималась. Одни поливали окна полиции свинцом, не давая полицейским ни малейшего шанса на спасение. Другие под прикрытием первых подбегали к участку и швыряли по его окнам все новые и новые бутылки с зажигательной смесью. БАХ! – вспыхнула решетка кабинета оперов. ДЗИНЬ! – взвился огонь в окне приемной, за которой еще несколько часов назад восседал подполковник полиции и начальник городской полиции. ЗВЯК! – разлетелась бутылка, посылая все новых и новых огненных элементариев в кабинет начальника следственного отдела.

Володя, отчаянно сопротивляясь дыму и пламени, Володя впивался ставшими вдруг непослушными пальцами в пол и пытался подтянуть себя хоть на сантиметр ближе к заветной двери. «Дышать! Жить! ДЫШАТЬ!» – клокотало в мозгу.

Они были окружены. У них не было ни связи, ни людей, ни даже электричества. Крохотная кучка людей в двухэтажном здании ОВД была отрезана от всего остального мира ливнем, темнотой – и бандой вооруженных до зубов убийц.

Уже теряя сознание и проваливаясь в небытие, Володя продолжал слышать, как продолжает кашлять – оглушительно, до тошноты, словно исторгая из себя собственные внутренние органы...

...Пока не наступило ничто.

Часть 1

За неделю до этого

@

Старшина просунул в узкое окошко под решеткой пистолет и две обоймы.

– Распишись.

Володя черкнул автограф на странице журнала и вместе с оружием и боекомплектом отошел к столу, где заряжался Маржанов.

– Как выходные? – Маржанов в ответ на вопрос Володи лишь хмуро отмахнулся. – Что, с Алтушкой опять посрались?

– Лучше бы посрались, – буркнул тот, досылая патрон в патронник. – Она вообще не приезжала на выходные.

– Да ладно. У нее же по субботам нет пар.

– По легенде, у какой-то ее одноклассницы день рождения.

– Почему по легенде?

– Потому что рога у нашего Гулнара, – подхохотнул Новиков, подходя к ним с автоматом подмышкой. – Я тебе когда еще говорил, нефиг девчонку в большой город отпускать.

Маржанов приложил его по-казахски. Звучало непонятно, но обидно. Володя хмыкнул и, сунув пистолет в кобуру, выходя в коридор. Оружейка располагалась прямо перед дежурной частью. Двое алкашей, которые мотали в изоляторе ОВД пятнадцать суток, убирались в коридоре: один мыл полы, второй собирал куски обвалившейся со стены штукатурки. За ними наблюдал участковый Жданов.

– Здорова, Вован.

– Привет. Опять осыпалось?

– Этот сарай нас когда-нибудь всех тут похоронит, е-мое. Каждый день что-то обваливается.

– Ничего, новое здание построят – заживем.

– И ты в это веришь? – ухмыльнулся Жданов. – Они там только фундамент залили и все! Никому ничего не надо. А у нас в крыле проводка вчера опять полетела, электрика вызывали...

Около дежурки полная дама, водрузив сумку на стол для заявителей, ругалась с помдежа Гончаром. Помощник дежурного доказывал ей, что график приема населения руководством устанавливает не он.

– Где ваше начальство?! – напирала дама. – Сейчас рабочий день! Я требую...!

– Женщина, вы меня не понимаете или как? У нас график, вот, на стене висит, можете ознакомиться.

– Я налоги плачу!

– А я, думаете, нет?..

В отдел с улицы вошла Вера. Форма только подчеркивала точеную фигуру. Конский хвост, минимум косметики. Казалось бы – ничего особенного. Но у Володи на короткий миг перехватило дыхание.

– Привет.

– Доброе, – Вера дежурно улыбнулась. Володя поспешил добавить с непринужденной, как он надеялся, улыбкой – пока Вера не ушла:

– А чего у нас следствие так рано?

Вера открыла было рот, чтобы ответить, но полная дама едва не отшвырнула ее с дороги, устремляясь к дверям на улицу и возмущенно голоса:

– Бардак! Никому ничего не надо!

– Женщина, осторожнее! – вскрикнула Вера, но дама уже скрылась за дверями ОВД. Ситуацию окончательно испортил Гензер, который вышел из дежурки и при виде Володи осведомился:

– Буров, отец когда нарисуеться?

Вера скользнула взглядом по лицу Володи и двинулась по коридору вглубь отдела. С сожалением Володя заметил, как к ней немедленно привязался толстый сержант из дежурной смены. Новенькие сотрудницы женского пола в ОВД были нарасхват.

– Не знаю, – буркнул Володя Гензеру. – Я ему что, нянька? – и, чтобы сгладить резкий тон, кашлянул и добавил: —... Товарищ майор.

Гензер сжал зубы. Сейчас скажет пару ласковых, с досадой подумал Володя. Но мимо дежурки с ворохом бумаг в руках прошествовал Крук, бросив Володе привычное:

– На развод.

Отец Володи в это время с трудом разлепил глаза. Его разбудила муха, нагло и нахраписто ползающая по лицу. Пробурчав что-то себе под нос, Буров смахнул насекомое. Мстительно жужжа, муха завилась вокруг его головы, явно намереваясь зайти на второй заход.

Буров сел в кровати и тут же простонал, схватившись за голову. Она раскалывалась. Кроме того, его мучило, а во рту был гадкий привкус помойки. Матерясь, Буров поднялся, с удивлением разглядев, что спал одетым. С трудом он добрался до кухни. Схватил чайник и тут же, матерясь пуще прежнего, выронил его. Чайник был горячим. Каким-то чудом он устоял на плите.

– Твою мать! – прохрипел Буров. – Володь, ты дома?

Ответа не было. Плюхнувшись на стул, Буров увидел сигареты. Закурил. Руки чуть тряслись. Вкус сигарет был до того тошнотворным, что его чуть не вырвало. Буров вспомнил, что только что дико хотел пить. Окинул мутным похмельным взглядом комнату. Взгляд остановился на холодильнике. С сигаретой в зубах Буров прошамкал к холодильнику и открыл его.

Спасительное холодное пиво стояло в дверце...

...Капитана Крука все в отделе за глаза называли Крюком. Крук оскорблялся, напоминая всегда и при случае, что это очень распространенная в Белоруссии фамилия. Крук возглавлял подразделение патрульно-постовой службы в ОВД Елецкого района. Сегодня, как и каждое утро, он монотонным голосом вещал на заднем дворе отдела, обращаясь к шеренге сотрудников:

– Всем заступающим еще раз хочу напомнить, розыск просит обращать внимание на гаражи...

За спиной Володи гудела трансформаторная будка, старая, как и все вокруг, и ему приходилось прислушиваться, чтобы понять, о чем говорит командир.

– За прошедшую неделю зарегистрированы три заявления о кражах в гаражном массиве в районе Кирпичного завода и Стройки. Сушко, Гузаревиц, Новиков, ваши маршруты рядом пролегают. На каждом заходе надо делать крюк, чтобы захватить проблемные участки.

При слове «крюк» несколько человек в шеренге ППСников хмыкнули. Крук нахмурился.

– Корболин, я что-то смешное сказал?

– Никак нет! – отчеканил Корболин. – Есть делать крюк!

По шеренге снова прополз смешок. Крук одарил Корболина убийственным взглядом, но ничего не сказал. После паузы сухо продолжил, сверяясь с ориентировками:

– Дальше. Вчера в районе рынка была совершена кража. Есть информация, что это лицо без определенного, так сказать, места жительства. Поэтому присматриваемся и проверяем каждого. Подозрительных доставлять в отдел для установления личности...

...Похмелившись, Буров почувствовал себя лучше. Он почистил зубы, пригладил мятые немытые волосы. Взглянув в зеркало, увидел помятое, одутловатое, морщинистое лицо старика – хотя ему было меньше 50.

– Мда... – буркнул Буров.

Он понюхал рубаху. Потом вроде бы не воняло, но в своем обонянии Буров сейчас уверен не был, поэтому достал из шкафа другую – мятую, зато чистую. Никакого желания выходить из дома у него не было. Мрачный Буров снова закурил. После чего натянул на спину наплечную кобуру и вложил в нее табельный ствол.

!...

– Машина 21, Чашкан, проверьте: Московская, 30, – хрипела старая рация. – Повторяю, Московская, 30. Сообщают о драке.

– Понял, Чашкан.

– Это 14—й, у нас бомжара, пьяный в зюю. В отдел его?

– Документы есть, 14—й?

– Повторяю, пьяный в зюю. Мне его обыскивать?...

Маржанов убавил звук рации, чтобы поделиться с напарником:

– Нет, я понимаю, девчонке 19 лет, ей развлекаться хочется. А со мной что, как-то не развлекается? Я и в баре сплясать могу, и анекдот рассказать. Что за дела?

– Может, ей от тебя не анекдоты нужны? – усмехнулся Володя. – А что-то покруче?

– Пошел ты. С этим у меня тоже все в порядке. Алтушка уже год учится в своем дебильном универе. Помнишь, как в начале? Уже в четверг старалась свалить и домой вернуться. Чтобы мы могли побольше времени вместе проводить. А сейчас?

Экипаж ППС полз по ухабистой дороге, никогда не знавшей асфальта. Это была граница частного сектора, занимавшего 75% территории города, и жилого массива из двух-трехэтажных многоквартирных домов. С территории одного из дворов выскочила дворняжка и, залихватски лая, бросилась наперерез экипажу. Она едва не угодила под колеса.

– Пугни дуру, – хмыкнул Володя.

Маржанов посигналил. Дворняжка бросилась наутек. Маржанов расхохотался.

– Каждый раз одно и то же! До чего тупая, а. Все просто же. Боишься? – ну так сиди во дворе, дура! – и почти без паузы с озадаченным видом Маржанов вернулся к больной теме. – Как думаешь, она себе нашла там кого-нибудь?

– Кто? Собака?

– Какая нахрен собака! Алтушка.

Маржанов два года встречался с Алтыной, которая сейчас перешла на второй курс педуниверситета. В Елцке вузов не было, и все студенты из райцентра учились и жили в областном центре. Город был почти в сотне километрах от их сонного обиталища.

У Маржанова были самые серьезные виды на девушку. А вот у нее...

– Да никого она не нашла, – попытался успокоить напарника Володя. – Гулнар, она еще молодая и глупая. У нее пионерская зорька еще не отыграла.

Машина свернула за угол. Впереди, в ряду таких же стареньких частных домов, виднелась полу-разваливающаяся землянка. Около нее топтался нервный паренек с сигаретой в зубах.

– Пусть играет, – проворчал Маржанов, крутя баранку. – Я не против. Но я хочу, чтобы эта пионерская зорька играла со мной, а не...

Паренек при виде приближающегося экипажа ППС вышвырнул сигарету и бросился во двор.

– Пацан! – быстро бросил Володя, распахивая дверцу. Они работали вместе достаточно долго, чтобы действовать, как единое целое: Маржанов сразу же тормознул, и Володя выскочил из остановившейся машины. Забежав в распахнутую калитку грязного захламленного двора, он увидел паренька, который со всех ног убегал огородом. Володя уже открыл рот, чтобы крикнуть «Стой!», но в этот момент из землянки выскочил второй – бледный лохматый пацан лет 20, не больше.

– Э, стой! – Но лохматый немедленно метнулся в сторону. Володя в два прыжка догнал его и повалил на землю. – Сказал, стой!

Маржанов, оказавшись во дворе, быстро сориентировался и шагнул в землянку, на всякий случай вынимая с пояса дубинку. Володя, быстро прощупав карманы лохматого, суровым тоном спросил:

- Ты здесь живешь?
- Д... да!
- Адрес?
- Что?
- Адрес свой назови!
- Цвиллинга... Цвиллинга... Десять?
- Хорошая попытка. Подъем!

Володя дернул лохматого за шиворот, поднимая на ноги. Из землянки выглянул озадаченный Маржанов.

- Вован, глянь-ка, что там.
- Это не я! – взвизгнул лохматый. – В натуре! Там так и было все!
- Ну конечно. Варезку захлопни.

Оставив лохматого на попечение напарника, Володя шагнул в землянку. За спиной услышал голос напарника – тот вызывал группу:

– Чашкан, 18—й. Цвиллинга, 40. Кажется, квартирная кража. Подозреваемого взяли с поличным...

- Это не я! – возопил голос лохматого.

На пороге жилой комнаты грязной и сырой землянки Володя удивленно замер. По помещению словно тайфун прошелся. Вверх дном было перевернуто все. Каждая полка, каждый ящик. Распоротые ножом подушки и диван. Пол был завален вещами, кусками поролона из выпотрошенного дивана и перьями. Такого Володя еще не видел. Что можно искать так рьяно?...

В этот момент Володя даже не подозревал, чем все это аукнется. Ему, его знакомым и близким, его отделу... и всему их городку.

I-

– Чей это дом?

– Говорю вам, это не я... не мы!

– Чей это дом, ты знаешь? – повторил Буров.

Всем своим видом опер выражал усталость и раздражение по поводу того, что ему пришлось заниматься этим лохматым чучелом. Так оно и было на самом деле. У Букова были свои дела, а еще он хотел уйти с работы пораньше – чтобы купить пива в магазинчике около дома и снова забыть обо всем. О своей паршивой работе и о своей паршивой жизни.

Лохматый с несчастным видом вздохнул.

– Барыги.

– Барыги, – согласился Буров. – Барыги по кличке Барыга. Шикарная, кстати, погремуха. Главное, оригинальная. И что ты там делал?

– Я... да ничего! Зашел...

Буров грубо схватил руку лохматого, рывком дернул рукав вверх. Желтая кожа с язвами на локтевом сгибе от многочисленных уколов. Вен почти не было видно. Буров с отвращением оттолкнул руку лохматого от себя, и тот едва не упал со стула.

– Давно торчишь?

Лохматый не ответил. Буров закурил. Лохматый поднял робкий взгляд:

– Угостите сигареткой?

– Слушай сюда, торчок драный, – игнорируя просьбу, Буров выдохнул дым в лицо наркоману. – Ты с каким-то своим корешом вломился в хату к Барыге, который банчит герычем. Об этом весь город знает. Перевернул там все вверх дном. Тебя взяли с поличным. Так что хорош юлить, или я тебе, чушок, почки отоблю. Давай по делу. Ты дозу искал?

– Это не я! То есть... ну да, я зашел, потому что типа это... открыто было, – сбивчиво принялся оправдываться лохматый. – Но я ничего этого не делал, в натуре! Там кто-то до меня!

– Значит, не ты? Может, мне тебя отпустить тогда, а? Только придется пригласить Барыгу для дачи показаний. И само собой, я скажу ему, какая гнида такую фигню у него дома учудила. Как думаешь, торчок, что потом с тобой будет?

Лохматый побледнел.

– Да я вам в натуре, отвечаю, не я это! – чуть не плача, залепетал он. – Мы с Рафиком приперлись к Барыге, потому что у него белый крутой появился. Недорого. Купить хотели. Просто купить, в натуре! Давай стучать, а там открыто везде. Ну, мы зашли, а там... сами знаете. Рафик на шухере встал, а я давай искать... Только не нашел ничего. А тут красные приперлись...

– У Барыги, значит, крутой белый появился? – задумчиво уточнил Буров. Лохматый закивал. Буров пододвинул к нему пачку сигарет и зажигалку. Трясущимися руками наркоман жадно закурил. Лишь после этого Буров осведомился: – И давно?

– Что?

– Герыч крутой у Барыги появился, твою мать. Давно?

– Ааа. Ну, хэ зэ, в натуре. Типа с неделю назад где-то... Мы ему звонили. Ну, Барыге. Вчера звонили. А у него мобила в отрубе. Сегодня опять звонили... ни фига. Ну решили сходиться. Фиг ли, вмазаться-то... хочется, типа.

– То есть, у него мобила отключена?

– Ну да. Хотя на него это не похоже. Он же, ну, типа, должен на связи быть. Чтоб с клиентами, ну, типа договариваться... – лохматый поднял глаза на Букова. – Я вам отвечаю, это не мы. Там кто-то конкретный шмон устроил. И знаете, что? Я думаю, поэтому и мобила молчит. Походу, вляпался Барыга в какую-то ж... пу.

Бурову было плевать на Барыгу. Но он все-таки спросил:

– Как ты узнал про Барыгу? Что у него герыч хороший появился?

Лохматый поколебался. Но, видя, что опер сменил гнев на милость, судьбу он решил не искушать.

– От бабы его.

– Что за баба?

– Нинку Юренко знаете?

Полуразвалившаяся грязная одноэтажная общага около магазина «Продукты» в народе величалась «кошкин дом». ППСники приезжали сюда едва ли не каждое дежурство по очередному вызову. Вот и в этот раз рация голосом дежурного изрыгла знакомый адрес с еще более знакомой формулировкой «Семейный скандал».

Когда «воронок» подъехал к дверям общаги, Володя уже услышал пьяные вопли внутри. Внутри их с Маржановым встретил темный и вонючий коридор, заваленный мусором. И грудной бас за одной из дверей. Когда они подходили, дверь распахнулась, и оттуда выскочил одутловатый краснорожий мужик в майке.

– Порву, сука! Убью, падла!

– Полиция, успокойтесь, – рыкнул Маржанов требовательно. При виде полицейских мужик оторопел. Из комнаты высунулась такая же пьяная и краснорожая баба в грязном халате.

– Ага! И заткнулся сразу? Козел! Заберите его!

– Тихо! – рявкнул Володя. – Что произошло?

– Приперся, козел, пьяный опять, и полез с кулаками сразу! Че, ушлепыш, слова кончились? А только что такой смелый был!

– Да я тебя...! – пьяно взревел мужик и замахнулся. Баба отчаянно завизжала, прячась за дверь. Маржанов перехватил руку мужика и заломил ее. Мужик ойкнул от боли. Через секунду Маржанов ткнул его лицом в грязную стену.

– Еще раз так сделаешь, руку сломаю, понял? – прорычал он.

– Да она сама! – оправдывался мужик, от испуга перейдя едва ли не на фальцет. – Сама в г... но бухая, вы посмотрите на нее! Мочалка!

– Козел! – взвизгнула баба из-за двери. Володя торкнулся и шагнул в комнату. Такая же грязная и темная, как и все вокруг. Немытое окно, заставленный засаленной посудой стол. Володя сразу различил бутылку водки и два потемневших от вьевшейся грязи стакана. Баба плюхнулась за стол.

– Заберите его, заберите, все нервы мне измотал...!

– Разберемся, – привычно отозвался Володя сухим тоном. И вдруг его взгляд замер. В углу комнаты, между стеной и шкафом, сидел человек. Немытый, в стареньком платице. Девочка лет 7—8. Она затравленным взглядом смотрела на Володю. Огромные глаза, в которых были паника, страх и ужас.

– Все нормально. Все будет хорошо, слышишь? – сказал он девочке. Володя старался, чтобы голос звучал уверенно и успокаивающе. Но девочка лишь еще сильнее вжалась в угол. Володя непроизвольно сжал зубы, повернувшись к пьяной мамаше.

– Что ж ты творишь, а? – процедил он. – Твою мать, у тебя ребенок здесь!

– Ба! – мамаша удивленно икнула. – Ты меня учить будешь, как мне детей воспитывать? Алкаша вон этого лучше заberi! Вас для чего вызвали?

Сама баба потянулась к бутылке. Володя хотел выбить ей зубы. С трудом сдержавшись, он вышел в коридор. Взглянул на мужика, который, затихший, сидел на старой табуретке, явно принесенной отсюда со свалки.

– Фамилия?

– Ярошенко.

Володя нахмурился, вспоминая.

– Это твоя мать на 8 Марта живет?

Мужик в майке-алкоголичке удивленно посмотрел на Володю, попытался что-то сообразить, неуверенно кивнул. Пожилую Ярошенко Володя знал хорошо, она обитала также на их с Маржановым маршруте. Одинокая старушка, которая сетовала на болезни, маленькую пенсию и непутевого сына-алкаша. Володя сразу же вспомнил нужный дом.

– Гулнар, доедь до 8 Марта, 23. Привези бабушку, чтобы внучку забрала.

– Куда забрала? – подал голос алкаш.

– Сиди уже.

Маржанов не успел скрыться, как из комнаты выползла баба в грязном халате.

– Че?! – визгливо и пьяно квакнула она. – Какую бабушку? Куда вы Машку собрались...?!

Не дам, понял?!

– Заткнулась! – не выдержав, рявкнул Володя. Подавив ярость, сухо продолжил: – Тебя предупреждали, что еще один скандал, и будет решаться вопрос о лишении родительских прав?

– Не дам! – завизжала она, скрываясь в комнате. Дверь хлопнула так, что зашаталась. Алкаш попытался встать, но Володя дубинкой ткнул его в грудь. Мужик снова ойкнул и остался на табуретке. Володя достал сотовый и набрал дежурку.

– Это Буров, наряд 18. Мы в «кошкином доме» на Саратовской. Пришлите нам дежурного из ПДН и участкового.

А в глазах Володи так и стояло лицо маленькой затравленной девочки. Уроды, клокотало в его голове. Уроды.

– Второго, который на шухере стоял около дома Барыги, зовут Вася, – сообщил Муртазин. – Этот Васек на Светлом Клине живет. Я к нему участкового заслал. Чтоб передал, что если Вася в отдел завтра не придет, кирдык ему.

– Да хрен с ним, с Васей, – отозвался Буров. – Нам Барыга нужен, чтоб заяву накатал.

– А если это не они?

– Да мне плевать, – пожал плечами Буров. – Их с поличным взяли. Готовая палка. Сами потом чистуху напишут, лишь бы мы их на улице не оставляли.

Муртазин развеселился.

– Коварный ты мужик, Иваныч.

Буров не ответил, следя за дорогой. Они как раз подъезжали к пункту назначения – панельной двухэтажке.

Нинка Юренко жила в первом подъезде. Первый этаж, угловая квартира. Этот адрес Буров, отгарабанивший в уголовке Елецка почти 25 лет, знал хорошо: отец Нинки, трижды судимый домушник, загнулся на зоне от туберкулеза, брат Нинки сторчался и сейчас мотает срок за наркотики, мать спилась и крикнула несколько лет назад. Веселое семейство. Типичный сброд, с которым Буров работал все эти 25 лет.

Машину Буров остановил на углу здания, около балкона и окон квартиры Юренко. Из окон доносилась музыка, хриплоголосый шансон.

– Кто-то дома, – отметил Муртазин. Буров двинулся к подъезду, приказав младшему по званию и должности оперу:

– Поторчи здесь, чтоб Барыга через окно не смылся.

Дверь в квартиру была старой, но крепкой. Буров громко постучал.

– Нина, открой. Полиция.

В ответ хриплоголосый исполнитель выдал что-то про воровскую жизнь. Буров постучал еще раз.

– Нина, полиция, разговор есть.

«Жизнь такая штука», – заунывно хрипела запись из-за двери. Буров начинал терять терпение. В третий раз он потарабанил так, что дверь зашаталась.

– Открой дверь или выломаю!

Никакой реакции. Буров вдруг подумал, что было бы забавно, если внутри никого нет – лишь работающий магнитофон, бардак и распоротая ножом мебель. А может... может, и труп? Находить труп ему не хотелось, тогда придется работать до ночи. Но раз приехали – не уезжать же.

– Шалава, – пробормотал он, выходя из подъезда. Муртазин прохлаждался, сидя на капоте машины. – Крышку не продави, сам выпрямлять будешь.

– Не открывает?

– Куда денется, когда разденется, – отозвался Буров. Дойдя до балкона, он подтянулся и, кряхтя, перелез через перила. Дернул дверь в комнату. Она оказалась открыта. На всякий случай потянувшись к кобуре, Буров вошел в балконную дверь.

Нинка лежала на диване. На руке выше испещренного «дорожками» локтевого сгиба красовался резиновый жгут, который она после «прихода» забыла снять. Нинка, идиотски улыбаясь, перевела на Бурова мутный взгляд. Зрачки в точку. Она была основательно заправлена какой-то дрянью. Нинка издала какой-то странный звук – было неясно, усмехается она или хрюкает.

– Сало, – выдала она. – После пяти... Хайло раззявил... Сцобака.

– Не вопрос, – согласился Буров, осматриваясь. На столе у стены он обнаружил весь дамский набор: упаковка от шприца, ложка, все еще горящая свечка. Проверив пару ящиков, он наткнулся и на самую интересную находку – два крохотных свертка из газетной бумаги. Дозы.

– Кучеряво живешь, Нинка, – хмыкнул он. Выглянув на балкон, крикнул Мурзину: – Машину вызывай! И понятых мне нарисуй где-нибудь!

– До березы сцобака, – продолжала бормотать Нинка, обращаясь к потолку. – Кишки на... Кузя... не доехал...

&

– Спокойно посидели, с подружкой, че не так?

– Водку пили?

– Может, и водку, ваше какое дело? Чего хотим, того и пьем!

– У вас дома антисанитария, вам уже несколько раз предупреждение выносили...

С сумкой на плече Володя прошел мимо приемника – кабинета для работы с посетителями – где участковый Жданов разбирался с Ярошенко. Напоследок заглянул в дежурку. Маржанов, тоже переодевшись в штатское перед уходом со службы, травил байки дежурному.

– Seriously, на газонокосилке! Сел, врубил – и вперед! Гайцы ему дорогу подрезать, а он – бам! – вильнул в сторону и попер дальше. Они чуть в дерево не врезались. И не останавливается, зараза! И ты прикинь такую картину: едет этот черт, на газонокосилке, со скоростью блин один километр в час! В одних трусах, орет что-то! А за ним сразу две тачки гайцов! С мигалками, все дела! И вот тут я вообще выпал, первая через матюгальник выдает: «Водитель транспортного средства! Немедленно прижмитесь к обочине!»

Дежурный, полный добряк по фамилии Акулов, хохотал и похлопывал себя по ноге. Зазвонил телефон, но дежурный на него не отреагировал.

– Они мне рассказывали, – Акулов продолжал смеяться и вытирать слезившиеся от смеха глаза, – Говорят, а что нам делать? У нас инструкции! Блин, и почему это никто не записал! У всех же телефоны с камерой!

Зашел помдежа Гончар. Видя, что Акулов не реагирует на телефон, он с терпеливым и усталым видом взял трубку.

– Полиция, помощник оперативного дежурного Гончар слушает...

– Да записали они все, – уверял Маржанов. – У гайцов же тоже камеры на лобовухе, как и у нас! Только хрен они дадут поорать. Позорище блин.

– Надо поискать в интернете, может, выложил кто, – смеялся Акулов.

В дежурку зашла Вера. Дотронулась до плеча Володи, чтобы он посторонился. Вера принялась листать журнал вызовов, ища что-то. Маржанов с усмешкой покосился на нее и на напарника.

– А, у нас на прошлой смене прикол был. Вован, расскажи. Ну, с бабкой.

– Да ничего особенного, – хмыкнул Володя. – Бабулька одна вызывает. По журналу как ложный прошел. Бабулька с Илекской. Ну, где двухэтажки.

– Говорит, требую, мол, принять меры к соседям сверху, – поддержал Маржанов. – Мы спрашиваем: «А в чем дело?». Вован, что она там тебе зарядила?

– Они шумят, говорит. По ночам. Громко занимаются ЭТИМ. Бабулька смутилась еще так. Видно, что достали ее совсем. А сказать как есть, не может. Ну, говорит, ЭТИМ. И бровками так многозначительно дергает. Ну, мол, вы понимаете – ЭТИМ.

Вера покосилась на Володю, пряча улыбку.

– И как? Помогли вы бабушке?

– Пообещали провести с соседями профилактическую беседу. Особенно с женщиной. Та уж очень громко шумит, когда...

– ... Они занимаются ЭТИМ? – заржал Акулов.

– Злые вы, – чуть кокетливо сказала Вера, выходя из дежурки. В дверях они с Володей встретились глазами. Теперь он был рад, что решил заскочить в дежурку перед уходом.

Гончар скептически наблюдал за Володей.

– Ничего не выгорит.

– Что? Ты о чем?

– А то я не вижу, как ты на следачку пялишься нашу.

– Давай громче, шеф на втором еще не слышит! – буркнул Володя.

– За ней половина отдела увивается, – сообщил Гончар. – А еще на нее вроде нач СО глаз положил. Так что... Сам понимаешь, лейтенант.

Володю это выбесило. Он терпеть не мог, когда посторонние пытались лезть не в свои дела. Особенно в такие.

– Да плевать, – буркнул он. – Ладно, бывайте.

Он подхватил сумку и двинулся к выходу из участка. На крыльце толпились сотрудники, обсуждая главную тему для отдела на протяжении последних шести месяцев – строительство нового здания ОВД.

– Уже неделя, и никого!

– Ага, уроды, хоть бы одного рабочего прислали для приличия.

– Заморозили они что ли?

– Обещали через год достроить.

– Какой год? Там и конь не валялся!

– В местной брехушке писали, типа из бюджета мало выделили, – сказал Володя, пожимая им руки. – Через месяц вроде начнут строительство по-настоящему.

– Да они полгода уже это говорят, Вован! Верь им.

– Разворовали уже все, уроды...

– Они начнут шевелиться, только когда наша халупа развалится. Вот тогда резко и бабки найдутся, и вообще!

Предмет обсуждения был прямо напротив ОВД. Это должно быть длинное, в целых четыре этажа, современное здание, где разместилась бы вся городская и районная полиция, со всеми подразделениями – начиная от руководства и заканчивая ГИБДД и ФМС. Но сейчас напротив отдела виднелась лишь огороженная площадка с залитым фундаментом и груда кирпичей и бетонных плит. Причина строительства нового здания заключалась не только в тесноте старого. Сейчас ОВД располагался в двухэтажном строении дореволюционной постройки, тесном, с гнилой проводкой, подтекающей канализацией и обваливающейся штукатуркой.

Володя добрался до своего мотоцикла. Там его догнал Маржанов.

– Я специально эту тему начал, чтоб ты перед девчонкой хохму выдал, – довольно доложил он. Володя усмехнулся:

– Да, что б я без тебя делал.

– Ты куда сейчас? Может, это, посидим где-нибудь?

– Не, Гулнар, не сегодня. Устал я.

– Что там батя? Все бухает?

Об этом Володя хотел говорить еще меньше. Чтобы не отвечать, он уселся з руль и нацепил шлем.

– Тебя подбросить?

Буров вернулся домой только к восьми вечера. Громокая пакетом, в котором лежали только что купленные бутылки с холодным пока еще пивом, он вышел из машины, которую бросил у ворот. Дверь в дом была открыта.

– Ты дома?

Ответа не было. Буров сгрузил бутылки в холодильник, после чего заглянул в гостиную и в комнату сына. Никого не было.

Буров отправился на задний двор. Когда-то здесь был огород. Когда-то, когда Наташа была жива. Последние годы здесь росла лишь трава. Зато сын устроил себе на заднем дворе импровизированный спортзал под открытым небом. Из двух вкопанных в землю бревен и куска арматуры соорудил турник. Из груды старых и лысых покрышек – тренажер для отработки

силы удара – сын колотил по шинам тяжелой кувалдой. Была здесь и тяжелая боксерская груша, которую сын вешал на турник.

Бурова-младшего он застал за тренировкой. Стоя спиной к нему и не замечая отца, он выжимал вверх две тяжелые, каждая в полтора пуда, чугунные гири.

Буров закурил, наблюдая за сыном. Раз. Два. Три. Четыре... После 15 повторов сын опустил железо. Гири ухнули, падая в рыхлую землю.

– Неплохо, – сказал Буров. – Только при жиме держать надо правильно. Техника тоже важна. Я ж тебе показывал.

Володя обернулся. По его лицу тек пот.

– Давно ты здесь?

Буров пожал плечами. Обычная ситуация: они вдвоем – а говорить им, по большому счету, не о чем. Натянутость между отцом и сыном увеличивалась с каждым годом.

Володя подошел к турнику. Покосился на отца.

– Нашли Барыгу?

– Нет.

– А те двое что говорят? Второго отловили?

– Вечером нарисовался. Он все подтвердил. Пришли, там бардак. Этот встал на шухере, тот стал искать наркоту... В обезьянник его засунул. Ломка начнется, – посмотрим, что запоем.

– Это не они, бать, – сказал Володя.

– Что?

– Ты видел диван? Там сила удара мощная была. Эти торчки на такое не способны. Ну и плюс на хате только кухонные ножи. Старые и тонкие. Сломались бы. А у торчка, которого мы приняли, ножа вообще не было. Ну и плюс у него на кармане были бабки. Они на самом деле пришли купить наркоту. Это кто-то другой был.

Буров нахмурился. Володя сказал очевидные и самому Бурову вещи. Но Буров не хотел, чтобы сын учил его уму-разуму.

– Может быть, – буркнул он, пожалев, что вышел во двор.

– Я сегодня на семейном скандале работал, – помедлив, добавил Володя. – Там участковый был, Жданов. Барыга же с его территории. Так вот Жданов говорит, что Барыгу несколько дней вообще никто не видел. Там что-то не так.

– Ну и что?

Володя хмуро покосился на отца.

– Тебе вообще не интересно, да?

Буров почувствовал волну раздражения, которая накатывала весь день, но оформилась окончательно лишь сейчас.

– На мне и без этих гребаных торчков три грабежа висят, износ и эти долбанные кражи из гаражей, – сухо проворчал он.

– Это твоя работа, – вдруг зло парировал Володя. – Если тебя от нее так тошнит, просто не занимайся этим. Ушел бы на пенсию и не мучал никого. Ни себя, ни других.

Буров готов был обматерить сына, но сдержался.

– Посмотрим на тебя лет через десять, умник, – буркнул он и, развернувшись, скрылся в доме. Володя горячо крикнул ему вслед:

– Я не буду таким, как ты, через десять лет, понял?

Но Буров уже ушел. Сжав зубы, Володя посмотрел на турник. Злость на спивающегося и безразличного ко всему отца часто выручала его на тренировках. Прыгнув, Володя схватился за перекладину и принялся подтягиваться.

28 раз. Буров не мог подтянуться столько никогда. Глядя на сына в окно, Буров не мог признать – Володя в шикарной спортивной форме. Молодец, мелькнуло в голове. А каким слабым пацан был в детстве... До того, как решил пойти в правоохранители.

Отворачиваясь от выходящего на задний двор окна, Буров скользнул взглядом по висевшей на стене фотографии. Буров, еще молодой, улыбающийся и довольный. Наташа – стройная, сияющая. Вдвоем они держали на руках улыбающегося барахтающегося карапуза в колготках и кепочке...

Как давно это было.

Буров быстро прошел на кухню, достал бутылку пива и залпом наполовину осушил ее. После чего осел на стул у стены и мрачно закурил.

\$

Буров смутно помнил, что было ночью. Кажется, он отправился в магазин, когда допил все пиво. Продавщица, давно знавшая Бурова, привыкла упираться, пеняя на закон – после десяти никакого спиртного – и каждый раз сдаваться, помятуя, что перед ней полицейский. Возвращаясь, Буров упал, больно ушибив локоть и бедро, но пиво не разбил...

Утром его разбудил звонок телефона. Разлепляя затекшие веки и ощущая во рту вкус канализации, Буров увидел, что он опять спал в одежде. Телефон должен быть где-то здесь. Не без труда он нащупал телефон в левом кармане брюк. Дисплей показывал 9.51. Опять проспал, мысленно матюгнувшись Буров. Кряхтя и постанывая, он с трудом сел – и лишь после этого ответил на звонок.

– Буров, слушаю...

– Здорова, это Митрошин. Можешь подойти?

Митрошин был криминалистом в ЭКО, которая, за неимением места в здании ОВД, ютилась в административном здании около рынка – вместе с санинспекцией и БЭП. Причина, по которой полицейские службы находились бог знает где, была все той же: в старом здании просто не было места. Поэтому БЭПовцы и эксперты больше всех ждали постройки нового большого здания для полиции Елецкого района.

Володи дома уже не было. Сегодня у него опять дневная смена, которая начинается в 8 утра. Похмелившись теплыми и тошнотворными остатками вчерашнего выдохшегося пива, Буров отправился к криминалистам. По пути ему позвонил Гензер.

– Буров, ты достал, – решительно заявил он, голос майора звенел в ухе Бурова, заставляя поморщиться. – Где шляешься? Опять с похмелья маешься или что? Ты хочешь, чтобы я начальству вопрос поставил...?

– Я в ЭКО, – перебил Буров майора. – Вчера наркоту им сдал на экспертизу, сейчас результаты забираю. Скоро буду.

– А развод? Ты на разводе раз в неделю показываешься, и то...

– Скоро буду, – буркнул Буров и отключился. На улице уже стояла жара. Бурова мучило, пока он шел по пеклу к приземистому зданию, где ютился экспертно-криминалистический отдел. Слава богу, у них царил прохлада – старенький кондиционер работал на полную мощность, на которую был способен.

– Это чистейший героин, высшей пробы, – заявил Митрошин. – Ты где эту наркоту взял, Буров?

– Что? – Буров был в таком состоянии, что с трудом соображал. – Высшей пробы...?

– Я такое качество в нашей деревне последний раз лет 10 назад видел. Помнишь, когда таможенники на вокзале наркоту тормознули? Не помнишь, наверное?

– Погоди. Ты серьезно?

– А то. Скорее всего, афганский. Они такой маркируют тремя девятками. «999». Буров, эту наркоту где угодно с руками оторвут. Больше всего меня поразило знаешь что? Без примесей, вообще, хотя ты мне принес чек с разовой дозой. У нас в городе все барыги бодяжат наркоту чем угодно... А тут – высококонцентрированный чистоган!

– Чего вам надо?

Нинка, проспавшись и придя в себя, выглядела растерянной, испуганной и забитой. Она ничего не помнила: когда вчера ее забирали из дома после обыска и изъятия наркотиков, ее таращило – по словам дежурных, в обезьяннике она до ночи бубнила что-то нечленораздельное.

– Что, Нина, оклемалась?

– Я... выпила вчера. Лишку.

– Выпила, ага. Ты же не в курсе. Пока ты бороздила просторы космоса, мы у тебя обыск провели. И кое-что нашли. В ящике стола.

Нинка побледнела, в глазах вспыхнул осмысленный страх.

– Это не мое.

– У тебя на крыше изъяли две дозы наркоты. Крупный размер. Не особо крупный, но пятерочку общего режима тебе нарисуют.

– Не мое это, сказала же! Это Барыги! Ну, Костика! Он у меня оставил, я даже не знала, что там!

Буров невольно ухмыльнулся.

– Не знала? Ты под таким приходом была... Нинка, ты дуру решила включить? То есть, не будет разговора, да?

– Какой разговор вам нужен? Наркота не моя, ничего не знаю!

– Да мне плевать, – Буров поднялся. – Следаку плевать. Прокурору плевать. И даже судье плевать. Всем плевать. Тогда топай по этапу. Лет через пять, если от тубика не загнешься, увидимся. Вставай.

Буров протянул руку, чтобы поднять ее со стула и отвести в обезьянник. Нинка вздрогнула.

– Стойте! Да подождите, э! А может, мы можем как-нибудь... ну, сами понимаете... типа договориться?

Буров вздохнул и присел на край стола, буравя ее взглядом. Взгляд у Бурова был натренированный, Нинка отвела глаза и нервно заерзала.

– Где Костик Барыга?

– Вам он нужен?

– Ты вопросом на вопрос отвечать собралась?

– Он уехал.

– Куда?

– Откуда я знаю? Вообще уехал. В смысле, из Елецка. Дня три назад, наверное... Да, три дня назад – прибежал ко мне, весь какой-то на измене. У меня кое-что из его шмотья валялось. Напихал все в рюкзак. Говорит, валить мне надо из города. Я его таким никогда не видела, очко у него играло как...

– Из-за чего?

Нинка пожала плечами.

– Он не говорил. Сказал только, что его ищет кто-то. Что они к нему домой уже приходили. И что... ну, надо драть когти, пока ему башку не вскрыли.

– Кто?

– Да откуда я знаю, – взмолилась Нинка. – Мы с ним трахаемся просто, он мне ширнуться дает, и все, в его дела я не лезу никогда! Кто-то ищет – ну ищет и ищет! А кто – меня думаете е... т?

Похоже было, что она говорила правду. Буров закурил.

– Тот герыч, который у тебя был. Две чеки. Откуда он?

– Откуда-откуда. Костик дал.

– Давно у него этот герыч?

Нинка поколебалась. Было видно, что она не желает и даже побаивается рассказывать все, но оставаться в ментуре ей хотелось еще меньше.

– Недели полторы, может, две... Ему по-дешевке загоняют. Он хвалился, довольный был, как будто ему косяк в ж... пу вставили. Типа герыч убойный, а отдают по-дешевке. Говорил, что кучу бабла теперь сможет поднять, если развернуться. Радовался. Дорадовался, б... дь...

– У кого Барыга закупается?

Нинка вздохнула с несчастным видом.

– Раньше у Рената Серого. Пока того мусора не закрыли... В смысле, ну, ваши.

– Не дурак.

– Что?

– А после того, как Рената закрыли? – видя, что Нинка колеблется, Буров надавил: – Слушай, или говори все, или иди нахрен отсюда. Мне до вечера с тобой нянчиться? У кого?

– Не знаю я, как его зовут, – пробурчала она. – Усатый такой, здоровый, с наколками на руках. Кавказец вроде какой-то. Армянин или еще кто, не знаю, не разбираюсь я. Видела его пару раз в пивнухе.

– В какой пивнухе?

– «Гамаюн». На Вокзальной, около ДК.

—? —

– Звонил ей вечером вчера. Половина одиннадцатого было, когда я звонил, прикидываешь? А она на улице. Веселая вся такая. Я, говорит, с подругами гуляю.

Володя хмыкнул, покосившись на хмурого Маржанова.

– Когда тебе 19 было, ты в половине одиннадцатого уже в кровати был?

– Тебе смешно?

– Гулнар, на самом деле, чего ты панику разводишь?

Всю неделю они заступали в утреннюю смену. С восьми утра до четырех дня. Это была любимая смена у всего личного состава: с утра все спокойно, вызовов почти нет, почти никто не пьет и не куролесит, а еще весь вечер в твоём распоряжении. Но утром Крук пообещал, что с понедельника распорядок дежурств поменяется. Нужно было ценить момент.

– Чашкан, наряд 21, – прохрипела рация голосом Сушко. – Мы в гаражах на Орджоникидзе. Тут кажется кража. Кто-то заднюю стенку разобрал...

Володя выругался.

– Опять гараж. Мы же патрули усилили!

Но Маржанова сейчас интересовала лишь его личная жизнь.

– Алтушка сказала, что с подругами гуляет, – вещал он, словно не слыша ничего больше. – А знаешь, я слышал голоса... И пара голосов... Или она дружит с Кончитой Вурст, или это были пацаны. Я мужские голоса слышал.

Володя рассмеялся.

– Может, у нее подруга охрипла? Ну, знаешь, пива холодного перепила? – Маржанов стрельнул сердитым взглядом в Володю и промолчал, крутя баранку экипажа. Володя решил, что настала пора посочувствовать. – Ну не знаю. Может, Алтушка ревновать тебя заставляет?

– А чего меня заставлять? – изумился Маржанов. – Я итак к каждому столбу...!

– У вас разница в семь лет почти. Нашел бы себе девчонку постарше, проблем бы не было.

– Кто бы говорил, – проворчал Маржанов. – Нашел бы себе кого-нибудь не с работы и к кому можешь подойти, а не только мямлить и пялиться. Я про Веру, если ты не просек.

Володя миролюбиво вздохнул.

– Ладно. Один-один.

Он отвернулся к окну. Рация хрипела, Сушко докладывал дежурному обстановку: «В гараже банки побиты, соленья и стекло по всему полу, прием». Патрульная машина ползла по частному сектору, улица 8 Марта. По пыльной дорожке им навстречу шагала старушка, держа за руку девочку. Володя узнал ее по глазам. Маша Ярошенко. Девочка что-то увлеченно рассказывала бабушке.

Володя улыбнулся.

Снова захрипела рация:

– 18й, это Чашкан. Драка, угол Ленинградской и Победы. Ваш маршрут, прием.

– Принял, Чашкан, – бросил Маржанов в микрофон и дал газу. Набирая скорость и поднимая столб пыли, патрульная машина покатила на вызов.

«Гамаюн» располагался в одноэтажном здании довоенной постройки из красного кирпича в десятке метров от Дома культуры «Железнодорожник». Когда-то в строении располагалась администрация одной из привокзальных служб, но затем его пустили во все тяжкие: сначала отдали под ателье, затем под магазин – и вот теперь здесь размещалась убогая и тесная пивная с грязными пластиковыми столиками и мухами.

По роду службы Буров частенько бывал здесь. И хорошо знал хозяина этой дыры и по совместительству продавца – называть его барменом у опера не поворачивался язык. Прокурен-

ный, серый, с гнилыми зубами, Агоев слушал радио. Голос диктора тихо бубнил из приемника на полке:

– Как сообщает гидрометцентр, жаркая погода продлится до конца недели, но затем резко ухудшится. Уже к выходным по всей территории области ожидаются дожди и грозы...

Агоев кисло скривился, увидев Бурова и Муртазина.

– Здравсте.

– И тебе не хворать, – согласился Буров. В пивной был лишь один посетитель – пенсионер в старом пиджачке попивал разливное пиво и самозабвенно грыз сушеную рыбу, не замечая ничего вокруг. – Не густо с клиентами, а?

– Так день еще.

– Вечером веселее? Может, нам вечером заглянуть?

– Угостить вас чем-нибудь, товарищ капитан?

– Все еще бодяжишь пиво той самопальной фигней, которую тебе Нюрка толкает?

Агоев снова скривился, теперь нервно.

– Что вы! Нет, конечно. Лицензии на водку у меня нет, так что это и вообще незаконно.

– То есть, нет водки здесь? – Буров принохался. – А запах какой-то стоит... Ты чувствуешь?

Буров обернулся к Муртазину. Тот охотно подыграл, тоже принявшись водить носом.

– Что-то есть такое. Как будто... Точно, водяра. Я этот запах где угодно различу.

– Беда с тобой, Агоев, – грустил Буров. – И что мне делать? Участкового и БЭП вызывать?

– Товарищ капитан, да не наливаю я ничего! Если у меня и есть водка, то это, как его – для личного пользования, так сказать.

– С акцизами?

Агоев скривился еще больше, не зная, что сказать. Буров усмехнулся.

– Ладно, расслабься. Это будет наш маленький секрет, – тише опер продолжил: – Слушай, у тебя тут один человечек посидеть любит. Здоровый такой, усатый. С наколками. Вроде бы кавказского разлива. Кто такой?

– А, так вам не я нужен, – у Агоева как камень с души свалился. – Это Марсель.

– Марсель? Как город?

– Какой город?

– Что за Марсель?

Агоев задумчиво поковырял черным ногтем в гнилых зубах.

– Этот, как его... Авакян. Да он живет тут рядом, где-то на Герасимовской. Через два квартала прям. Вот и заходит по вечерам, пропустить кружечку-другую...

– ... Порошкового пива с самопальной водярой, – хмыкнул Муртазин. Его Агоев не боялся, поэтому осмелился оскорбиться:

– Мне выживать надо! В «Железке» вон бар открыли, народ туда ходит. Что мне остается? Только грамотная ценовая политика. У меня дешевле в два раза. Поэтому и не закрылся еще.

– Успокойся, коммерс. Марсель с кем-нибудь общается здесь?

– Да его все тут знают. У меня только постоянные клиенты, вроде вон, Петровича, – Агоев кивнул на старика. Тот отсалютовал Агоеву и продолжил грызть рыбу. – Хотя последнее время он с Семеном что-то закорифанился.

– Что за Семен?

– Да работяга с железки. На вокзале работает. Ремонтная бригада или типа того. По вечерам мимо моего кафе идет, вот и заглядывает. По пути, так сказать.

– А как Семена зовут?

Агоев развел руками.

– Семен. Дальше не знаю. Все так и зовут – Семен.

– Шикарно, – проворчал Буров. Достав из кармана мятое фото Барыги, позаимствованное в квартире Нинки, показал. – А вот этот тут бывает?

– А, Костик? Ну так, иногда. Правда, редко совсем. Последний раз с бабой своей заходил. Наташка или Нинка, – Агоев покачал головой. – Между нами, кобыла кобылой, что он нашел в ней?

– Любовь зла. Еще раз Костика увидишь, звони мне, понял? – Буров положил на стойку визитку. Агоев опять скривился. Так он выражал половину эмоций из своего небогатого спектра.

– Товарищ капитан... Вы ж понимаете...

– Или ты звонишь мне, или я звоню участковому и в БЭП, – пожал плечами Буров. Скривившись, Агоев кивнул и спрятал визитку под столешницей. Буров, хмыкнув, направился к дверям. Встретившись глазами с пенсионером, он кивнул: – Счастливо, Петрович!

– Твое здоровье! – обрадовался Петрович, отсалютовал и продолжил обсасывать воблу.

+

На углу Ленинградской и Победы располагался небольшой продуктовый павильон. А прямо перед ним разыгралась драка: двое парней отчаянно колотили орущего мужика, который барахтался в пыли и вопил. Они были так увлечены, что даже не заметили подъезжающий наряд ППС. Лишь когда Маржанов включил крякалку, один из парней вздрогнул, обернулся и заорал:

– Менты, валим!

Вдвоем они бросились наутек, но Володя в два прыжка догнал второго и, схватив за шиворот, дернул. Парень грохнулся в кусты у обочины.

– Так его! – заорал благим матом мужик, пытаясь встать. – Бейте его, мужики! Моя полиция меня бережет, е... ть меня тапком!

Второй пытался убежать, но его подрезала патрульная машина. Тут же он вскинул руки:

– Сдаюсь! Я ничего не делал, ничего не делал, я мимо шел!

– Не делал?! Они меня избили! – орал мужик. Он встал на колени, но при попытке подняться во весь рост с матом упал на землю. Мужик был пьян.

– Подъем, – бросил Володя, отступая и доставая на всякий случай резиновую дубинку. – Рыпнешься, получишь по почкам, понял?

– Понял, – буркнул второй парень, вставая. Родимое пятно на щеке, маленькие пустые глаза, короткие волосы. Володя знал его. По глазам Пляскина Володя понял, что и тот узнал его.

– Ну ты и урод, – сказал Володя. Пляскин промолчал.

Маржанов пристегнул беглеца и направился к потерпевшему.

– У вас все нормально? Вам помочь?

– Да гашеный он, как черт, – пробурчал Пляскин. Володя процедил в ответ:

– И что? Это повод избивать? Совсем охренел?

Маржанов с трудом поднял потерпевшего. Тот едва стоял на ногах и чуть снова не упал, но Маржанов успел подхватить его.

– Мужик, е-мое, напрягись, а!

Володя бросил короткий взгляд на потерпевшего. Этого было достаточно, чтобы Пляскин сунул руку в карман и запустил в траву спичечный коробок. Но Володя заметил это движение боковым зрением.

– Что это?

– Где?

– Что ты сейчас скинул?

– Я? Ничего!

Володя подошел к траве, провел по ней концом «демократизатора» и нашел искомое. Поднял коробок, заглянул внутрь. Сухая перекрученная марихуана.

– Опа.

– Это не мое, – буркнул Пляскин. – Даже не думай пришить мне это, понял?

– Это его! – взревел потерпевший праведным гневом, опираясь на Маржанова, чтобы не упасть. – Не слушайте, это его! Они перед моим домом каждый день траву курят! Достали, людям жить не дают, е... ть меня тапком!

– Ты на себя посмотри, синебот! – взорвался прикованный к машине парень.

– Не мое это! – упирался Пляскин. Он успел прийти в себя, осмелеть и недобро прищурился, буравя глазами Володю. – Подкинуть решил? Чтоб чисто мне подгадить, да?

– Пасть закрыл, – процедил Володя. – В машину пошел.

– Не пойду.

Володя не выдержал. Быстро просунув дубинку под его руку, с помощью резиновой палки вывернул ему руку. Пляскин ойкнул. Володя схватил его и, согнув, поволок к машине.

– Гулнар, тащи этого!

Задержанных они усадили в задний отсек, пьяного потерпевшего не без труда затолкали на заднее сиденье. Мужик скатился на пол и стукнулся лбом о дверцу.

– Е... ть меня тапком, – простонал он, икая.

Когда машина отъехала, Володя связался по рации с дежуркой.

– Чашкан, это 18—й, везем пассажиров. Драка. Плюс у одного коробок с наркотическим средством растительного происхождения.

Маржанов, глянув в зеркало заднего вида, увидел, что Пляскин через решетку яростно пилится на Володю.

– Вован, а ты что, знаешь того придурка? – Маржанов кивнул назад.

– Пересекались пару раз, – нехотя отозвался Володя и отвернулся к окну.

Герасимовская была не в двух, а трех кварталах от «Гамаюна», но точный адрес Буров и Муртазин узнали по рации у помдежа. Это был спрятанный в тени деревьев побеленный домик с синими ставнями, чистый и аккуратный. Около калитки – почтовый ящик и звонок. Почему-то Буров был уверен, что им никто не откроет, но после нескольких звонков из веранды дома показалась низкорослая, метра полтора, и худенькая пожилая армянка.

– Кто?

– Полиция, – крикнул Буров.

– Вам кого?

– Ваш сын дома? Марсель?

Авакян, кряхтя, подошла к калитке, открыла, настороженно взглянула сначала на Бурова, затем на Муртазина. Муртазин ей чем-то не понравился – она нахмурилась и повернулась к Бурову. Опер показал ей удостоверение и повторил:

– Мы из полиции. Уголовный розыск.

– Марсея нет.

– А где он?

– Откуда я знаю? Где-то ходит. У него свои дела.

Авакян говорила на чистом русском, без малейшего акцента. Она поколебалась, прежде чем спросить:

– У него опять какие-то неприятности?

– Не думаю, – соврал Буров. – Нам просто нужно с ним поговорить. Может, дадите номер его сотового?

– У меня нет телефона, так что зачем мне все эти номера?

Вмешался Муртазин.

– Вы, конечно, извините, но... можно проверить? Вдруг Марсель все-таки дома?

Авакян одарила его холодным взглядом.

– Пожалуйста. Только не вы. Вы стойте здесь. Он, – женщина указала на Бурова. Опера иронично переглянулись, и Буров шагнул во двор.

Он обошел весь дом, заглянул в каждую комнату. Обстановка была небогатой, мебель старой, но везде царил идеальный порядок.

В комнате Марселя он задержался, быстро осматривая обстановку и убранство – он гадал, где Марсель мог спрятать наркотики. Если они вообще у него.

– Убедились? – подала голос Авакян, которая не сводила с опера глаз. – Я не призываю верить каждому, но я честный человек. У меня сын непутевый, сидел два раза, но я-то здесь при чем?

Бурову пришлось откланяться. Напоследок он вручил женщине визитку, попросив передать ее сыну сразу, как тот вернется.

Муртазин ждал его в машине.

– А я ей чем не угодил? – ворчал он. – Рожей не вышел? Недостаточно опухший или что?

– Не переживай, и у тебя когда-нибудь будет шанс, – усмехнулся Буров.

– Что делать будем? Как думаешь, Марсель – тот вообще, кто нам нужен?

– Нинка сказала, что Барыга брал героин у Марселя.

– А вчера она говорила что-то про Кузю и кишки, – отмахнулся Муртазин. – Иваныч, этот Марсель два срока мотал. Грабеж и разбой. Никакой наркоты. С фиги ему вдруг к этой теме подключаться, да еще и работать с такими гнилыми удодами, как Барыга?

Буров, одной рукой крутя баранку и следя за дорогой, закурил. Он хотел ответить, но не успел – зазвенел сотовый.

– Буров, слушаю.

– Дежурка, – знакомый голос помдежа. – Тут у нас один задержанный залупается. Требуется капитана Бурова и только его.

Ъ

– Анаша твоя?

– Дядь Гер...

– Анаша твоя? – повысил голос Буров. Пляскин сконфузился.

– Георгий Иванович, ну там коробок же всего. Раскумариться с пацаном решили. Что такого-то? Это же не статья даже. За траву вроде штраф только, да?

– А деньги у тебя есть, на штраф?

– Найду. Можно сигаретку, дядь Гер?

Буров проигнорировал вопрос. Откинувшись на скрипучем стуле, он хмуро посмотрел в глаза Пляскин.

– За что мужика отоварили?

– Да он синий в г... но, вы его видели?

– Ты мои вопросы не слышишь или как, Сергей?

Пляскин вздохнул, всем видом стараясь показать, какой он несчастный.

– У этого алкаша двор заброшенный. Там забор сломан. Весь квартал у него там тусит. Ну, если надо оттянуться или там... Ну вы поняли. Мы там недавно курили. А этот вышел, полено какое-то схватил, давай орать, что еще раз увидит убьет... Как назло, трезвый оказался, козел.

– И за это ты его пинал посреди улицы? – процедил Буров. – За то, что он выгнал вас с собственного двора? Ты реально охерел уже?

– Дядь Гер, да он сам начал, вы у продавщицы спросите! – затараторил Пляскин, боясь, что Буров готов сменить милость на гнев. – Мы чисто за водичкой зашли, а он бухой уже, приперся, увидел нас и давай бычить. А, типа, говнюки, вот вы где! И давай нести всякую хрень. Козел... Ну, мы его подождали, чтоб поговорить...

– Поговорили?

Пляскин промолчал, но после паузы не выдержал.

– Дядь Гер, а типа это... что теперь?

Буров устало протер лицо.

– Ничего. Мужик попался нормальный. Если вы извинитесь, он готов не подавать заяву.

– Да я без бэ, дядь Гер! Хоть сейчас!

– Только слушай сюда, Сергей. Еще раз нарисуешься во дворе у мужика, или хоть как-то криво на него посмотришь – я лично тебя закрою, понял? Лет на пять минимум. По любому эпизоду из твоих подвигов, из которых я тебя каждый месяц, как дурак, вытаскиваю. Запомни мои слова.

– Конечно, конечно, без бэ! – закивал Пляскин, как китайский болванчик. – А это... что с травой-то...?

– Трава останется у меня. Считай, что экспертиза показала, что это табак. Ты накрошил табак в коробок, чтобы приколоться, понял меня?

– Так все и было, ага, врубился! – Пляскин сиял. – Спасибо, дядь Гер, выручили! Ну я это, тогда, типа могу идти?

Буров не мог скрыть неприязнь, с которой взглянул на парня. Не мог и не хотел.

– Сергей, твой отец умер. Когда-то я ему обещал заботиться о тебе. Это единственная причина, по которой я тебя вытаскиваю. Но это было в последний раз, понял меня? В следующий раз я и пальцем не пошевелю. Если ты не возьмешься за голову и не начнешь жить, как человек, тебе конец. А я могу сказать тебе, что с тобой будет лет через пять, через десять, через двадцать. На моих глазах такие, как ты, превращались в животных сто раз. Берись за голову, Сергей. В последний раз прошу.

Пляскин снова закивал. Пятясь к двери.

– Без базара, дядь Гер. Понял, врубился. Все, больше ни-ни. Отвечаю, дядь Гер.

Он врал. Буров этого не видел, вид у Пляскина был вполне искренний – он просто знал, что тот врал. Поэтому опер добавил:

– Иногда я думаю: хорошо, что твой батя не дожил. Хоть не увидел, в какое говно его сын превратился.

Буров склонился к бумагам, давая понять, что разговор окончен. Пляскин, помрачнев, выскользнул из двери. На душе у опера скребли кошки. Буров закурил. Безумно хотелось выпить. Но часы показывали только четыре часа дня...

... Четыре часа дня – конец их восьмичасовой смены. Переодевшись в раздевалке, Володя по традиции заглянул в дежурку. Но сегодня – узнать, кому передали материал на Пляскина. Оказалось, Вере. Володя даже обрадовался. Он поднялся на второй этаж, где в тесном коридорчике справа ютился следственный отдел – и наткнулся на Веру.

– О, а я тебя ищу. Привет.

– Виделись вроде.

– Нет, я бы запомнил.

Фраза вырвалась непроизвольно, мысленно Володя с досадой чертыхнулся. Вера улыбнулась.

– Ты меня искал?

– Да, мне в дежурке сказали, что материал на Пляскина тебе передали...

– На кого?

– Пляскин. Драка на Ленинградской.

– А, это, – кивнула Вера. – Хотели мне, потому что дежурный следователь на выезде. Но там все закончилось, не начавшись. Заявления не будет. Всех отпустили бы уже вроде.

– Как отпустили? Кто, ты?

– Нет, у меня бумажки опера забрали. Сказали, вроде бы давно по этим парням работают... А что?

– Кто из оперов? – напрягся Володя.

– Буров, кажется... – она запнулась. – Я слышала, это твой отец. Что-то не так?

Все не так. Но Вера была не при чем. Он улыбнулся ей, как мог. Получилось натянуто.

– Да нет, все в порядке. Спасибо за информацию.

Кивнув ей на прощанье, Володя быстро спустился вниз. Он был в ярости. Пляскин – конченое существо, отморозок. Даже сегодня: он избивал человека прямо на улице, среди бела дня, а потом нагло хамил ему, Володе – зная, что ему ничего за это не будет. Благодаря покровителю... Сукин сын, подумал он, молясь, чтобы отец не попался ему на глаза.

Отец не попался. В раздевалке все еще копался Маржанов, укладывая в сумку амуницию.

– Я оказывается штаны сегодня перепачкал, опять придется мать просить, чтобы постирала, – заворчал он, увидев напарника. – Ты еще не ушел?

– Гулнар, ты вчера предлагал посидеть где-нибудь?

– Ну?

– В силе?

#

Территория, относящаяся к железной дороге, была внушительной. Длинные склады для товара, переплетения множества путей, амбары и ремонтные мастерские, отстойник для подвижного состава и многое другое. Несмотря на это, само здание вокзала было довольно скромным: оно возвышалось на привокзальной площади, старое, но добротное, с высокими и узкими окнами. Даже сейчас, вечером, перед вокзалом тянулась вереница машин: в основном бомбилы-таксисты.

Территорию обслуживало собственное ЛОВД, которое ютилось в пристрое к зданию вокзала со стороны перрона. Основной личный состав – постовые. Оперов было всего четверо, которыми руководил Раис Улджабаев. Районная полиция работала с линейщиками очень плотно – через железную дорогу приграничного Елецка шло много контрабанды, в том числе наркотиков – поэтому Улджабаев встретил оперов, как родных. Буров показал ему фото Марселя.

– Рожа вроде знакомая, – пожал плечами старший опер ЛОВД. – Сам знаешь, у нас на вокзале кто только не шляется. – в качестве подтверждения он кивнул на перрон, на котором кучками толпились люди, ожидая поезда. – А кто он такой?

– Один уголовник. Марсель Авакян.

– Не слышал. Чем знаменит?

– Пока ничем, но награда найдет своего героя. Есть наколочка, что Марсельчик героинном банчит. И не простым. Афганский, чистый, три девятки.

Улджабаев присвистнул.

– Гонишь.

– Отвечаю. Сам офигел. А чистоган к нам как может попасть? По железке.

– Не только по железке, – тут же возразил Улджабаев. – Не надо тут наговаривать. И вообще, это не к нам, а к пограницам.

– Сразу отбредался, – развеселился Муртазин. – На тебя что, наезжает кто-то?

– В общем, Марсель мутит с одним барыгой. У барыги дом кто-то через мясорубку перевернул...

– Чего?

Улджабаев был не силен в аналогиях, и Бурову пришлось пояснять:

– Обшмонал конкретно. Камня на камне не оставили. И барыга поспешно свалил из города. Есть подозрение, что и Марсельчик решит ноги делать. Ты постовым вашим шепни, если увидят его – пусть сигналият.

– Не вопрос.

– Раис, еще одно. Ты знаешь тех, кто на железке работает?

– Тут триста человек работает, – проворчал линейщик. – Тебе в алфавитном порядке или по возрасту перечислять?

– Семен. Работает в ремонтной бригаде.

Улджабаев поскрябал макушку, кивнул.

– Понял. Есть такой. Третий пост. Вон за тем ангаром, около депо, – Улджабаев махнул рукой вдоль перрона, указывая направление. – Их бригада там сидит. Семен этот в бригаде Михалыча работает. Хороший кстати мужик.

– Михалыч или Сеня?

– А с какой целью интересуешься?

– Чем их бригада занимается?

– Ну, раз ремонтная бригада, то, наверное, ремонтирует, а? – Улджабаев захихикал, но, не встретив взрыва смеха, снова погрузился. – Они обслуживают участок железки, от вокзала и туда.

Опер-линейщик снова махнул рукой вдоль перрона. Буров проводил его взгляд. Темнело, и высоко над железнодорожным полотном уже вспыхнули фонари. Этот светящийся фарватер вдаль, растворяясь на горизонте. Буров задумчиво уточнил:

– То есть, в сторону границы?

– Можно сказать и так. До переезда и чуть дальше. Каждый день выезжают и проверяют состояние полотна. Где повреждения, делают заявку и проводят ремонтные работы. – поняв, к чему клонит Буров, Улджабаев рассмеялся: – Э, нет, брат, ты не туда думаешь. Они просто рельсы и шпалы обслуживают на три километра южнее и все. На поездах не ездят, на границе не бывают, за границей тем более. Простые работяги. Ты же на них грешишь? Нашел контрабандистов, тоже мне.

– Жаль, – вздохнул Буров. – Версия была любопытная. Ладно, а что у вас нового? Вы вчера ориентировку на какого-то жирдяя прислали, что там за дела?...

Опер не догадывался, что искомые фигуранты были еще ближе, чем он думал.

Из забегаловки на перроне, в 50 метрах от мирно беседующих около дверей ЛОВД полицейских, вышел Француз. Так его прозвали в насмешку за кудрявую голову. Волосы он брил очень коротко, но волосы все равно умудрялись завихряться, и кликуха приклеилась намертво. Француз лениво жевал хот-дог, приобретенный в забегаловке. Ему здесь надоело все: этот сонный ленивый городок, больше смахивающий на деревню, этот вокзал, эти забегаловки... Но работа была на первом месте. Князь дал задание – и они обязаны были сделать дело. На кону стояли слишком большие деньги. Огромные деньги.

Француз сразу вычислил в трех мужиках в штатском оперов уголовки. Одного он уже знал – тот работал здесь, на вокзале. За последние дни Француз, как и остальные пацаны из бригады, успел запомнить на лицо половину местной мусарни. А вот двух других он не видел ни разу.

Залетные. Это было подозрительно. Надо будет сказать остальным. Если это мусора из Города – обязательно нужно поставить в известность Князя.

Француз выбросил недоеденный хот-дог в урну в десяти метрах от оперов, искоса поглядывая на них. Один из залетных – молодой, хилый, постоянно ухмыляется. Не может стоять на месте, дергается. В армейке не служил, физиуха на нуле, сразу просек Француз. Со вторым залетным было еще хуже – старый, явно за 50, красная рожа, выдающая любителя принять на грудь, мягкая одежда и потухшее лицо типа, которому в этой жизни надоело решительно все.

Но это были мусора.

Француз неспеша двинулся по перрону, стараясь пройти как можно ближе к ментам. До него донесся голос вокзального мента:

–... Только что из ГОЧС телефонограмму прислали. Штормовое предупреждение на пятницу обещают.

– Тебе не плевать? – хмыкнул обрюзгший.

– Это вам в горотделе плевать. А у нас транспорт. Не дай бог поезд отменят или железку размоет – п... ц сразу...

Француз прошел мимо, чувствуя, как успокаивается. Не залетные. «Горотдел» – значит, мусора из местной ментовки. Когда они приехали в Елецк, то пару раз прокатились мимо. Старое и полугнилое здание, около которого толпятся деревенские менты – неказистые, горластые, каждый второй с пузом...

В Елечке можно работать целую вечность – а эти лохи не смогут сделать ничего. Француз был в этом уверен.

У него зазвенел сотовый. Достав трубку, Француз обернулся на мусоров. Троица продолжала беседовать. Он ответил на звонок.

– Да, Рама.

– Ты где?

– Как обычно, б... дь, на вокзале. Тут мусорки какие-то залетные, присматриваюсь.

– Из Города? – голос Рамы напрягся.

– Не, расслабься. Местные колхозаны вроде. Все пучком.

– Тогда прыгай на колеса и подтягивайся. Отзвонился Штекер. Он срисовал еще одного барыгу.

...

– Не знаю... Мы с Алтушкой уже полтора года встречаемся. Я ей говорю постоянно, что люблю, все такое...

– Может, она тебя всерьез не воспринимает?

– Вован, она не ребенок. Ей уже 19.

– Вот именно. Ей всего 19.

Харчевня «Досуг» была бревенчатым зданием с небольшой летней террасой, которое располагалось в самом конце Крюковской. Маржанов любил бывать здесь, потому что заведение принадлежало его приятелю, и хитрый ППСник частенько угощался в «Досуге» нахаляву. Они заняли столик напротив кондиционера – здесь было свежо и приятно – можно было и вовсе забыть о вечерней жаре. В будни в «Досуге» почти никого не было. Лишь у окна ели шашлык двое торговцев с рынка, Володя знал их в лицо, да за угловым столиком пили пиво и резались в карты местные мужики. За окнами «Досуга» была уже кромешная темнота – ночь опустилась на удивление быстро.

– Иногда я думаю, может, и не выгорит у нас ничего, – невесело признался Маржанов. – Алтушка в нашей деревне всю жизнь жила. А сейчас... знаешь, большой город. Клубы, тусовки. Она окунулась там во все это...

– У нее есть деньги на клубы?

– Она красивая девушка, – вздохнул Маржанов. – Ей для этого не нужны деньги.

В бар зашел тип с утиным носом. У стойки, сказав что-то бармену, осмотрелся. Скользнул взглядом по посетителям, по ППСникам. Маржанов и Володя были в штатском, узнать в них полицейских мог разве что совсем уж искушенный в этих вещах человек. Тип с утиным носом таким не был. Взяв кружку пива, он отправился за дальний столик.

– Ладно, фиг с ней, – отмахнулся Маржанов, прикладываясь к кружке. – Слушай, а что у тебя за история с тем челом?

– Которым?

– У которого анаша была.

– Нет никакой истории.

– Ладно ты. Колись.

Володя вздохнул, задумчиво покрутил вокруг своей осени стоявшую перед ним кружку.

– Он сын отцовского приятеля. Друга детства. Учились вместе, зависали постоянно и все такое.

– А где он сейчас?

– На кладбище.

– Умер?

– Спился. Заработал цирроз, потом его вообще парализовало. Ноги отнялись.

– Жесть.

– Но он продолжал бухать. Дом в свинарник превратил. Вся шваль у него отиралась. Сам знаешь, как это бывает.

– А твой батя... – осторожно спросил Маржанов. – Тоже?

– Он тогда не пил. Мать еще жива была. – помолчав, Володя продолжил: – Ну вот, друг помер. Оставил после себя свинарник и сына-долбо... ба. А наш бравый оперативник занимается только тем, что вытаскивает этого долбо... ба из говна. Он ведь и сегодня его отпустил.

В «Досуг» зашел тощий нервный паренек. Володя скосил на него взгляд. Паренек подошел к утиному носу, присел напротив и что-то зашептал. Поозиравшись по сторонам, быстро передал ему под столом несколько мятых купюр. Носатый быстро спрятал их в кармане.

Тип с утиным носом вытер рот рукавом, буркнул что-то нервному, встал и направился в туалет. Нервный принялся его ждать, дергаясь и постукивая пальцами по столу.

– В память о друге, – пожал плечами Маржанов. – Твоего отца понять можно.

– В память о друге... – хмыкнул Володя. – Этот урод отморозок конченный. У него все на роже написано. Ты видел, с каким он остервенением пинал того алкаша на улице?

– Да уж... Козел.

– Нашему бравому оперу уже давно плевать на работу. Да и на себя. Каждую ночь слышу, как он углы сшибает и бутылками звенит... Зато этого упыря он вытаскивает каждый раз... Раньше упыря брали за пьянку. Потом за драку в «Железке». Помнишь, мы тоже там рейдовали...

– Может быть.

– Теперь драка и анаша. А что потом? Мокруха?

Тип с утиным носом вышел из туалета и вернулся за столик. Тихо бросил что-то нервному. Тот поспешно вскочил и, стараясь не сорваться на бег, зашпешил в туалет.

– Смотри, – шепнул Володя.

– Куда?

– А вон. Не пялься только. Без палева.

– Что там? Чувак пиво пьет.

– Чувак только что наркоту толкнул. К нему подсел пацанчик, тусанул ему деньги. Чувак оставил наркоту в туалете, чтобы не из рук в руки передавать. И сейчас пацанчик поскакал забирать закладку. Смотри.

Нервный вышел из туалета. Возбужденный, в предвкушении скорого кайфа, он лишь быстро сказал что-то типу с утиным носом и скрылся.

Маржанов усмехнулся.

– Сыщик, блин. Мы отдыхаем, расслабься.

– А я что делаю?

– Когда в уголовку-то переходить собираешься?

Вопрос был не из легких. Володя знал, как работают опера, и видел, что может не хуже. А в случае с некоторыми сотрудниками, которым давно на все наплевать – даже лучше.

– Когда отец оттуда свалит. Я не хочу с ним вместе работать.

– Вован, ну он же не всегда таким был. Мужики говорят, раньше он отжигал.

– Не всегда, – согласился Володя, поняв, что не хочет продолжать этот разговор. – Пока мать не умерла, он жил работой. А потом... вообще перестал жить.

– Ближко к сердцу принял?

Володя не ответил, лишь приложился к кружке.

В «Досуге» появился еще один посетитель. Володя знал его в лицо – наркомана задерживали на одном из рейдов, кажется, в прошлом году. Он также присел к столику типа с утиным носом. Теперь на них скосил глаза и Маржанов. Все повторилось: передача денег под столом, уход типа в туалет. Когда утиный нос вернулся, в туалет отправился наркоман.

– В натуре, он у нас на глазах наркоту толкает, – удивился Маржанов. – Совсем офонарели, ты смотри.

Володя достал телефон, делая вид, что собирается кому-то позвонить. На самом деле он, чуть склонив трубку в правильном направлении, быстро сделал снимок наркоторговца.

– Сфоткал? – шепнул Маржанов. Володя кивнул:

– Покажу завтра кому-нибудь из оперов. Слушай, может, тормознуть того на улице, наряд вызвать?

– Я тебя умоляю, – поморщился напарник. – Раз в сто лет в кафешку выбрались, и на тебе. Давай уже просто посидим, а?

Но просто посидеть не получилось. Маржанов заказал еще две кружки пива и как раз нес их к столику, когда в «Досуге» появились двое. Один – короткостриженный, с вьющимися волосами и квадратной челюстью. Второй – высокий крепыш, явно тягающий железо в спорт-зале, с крохотной бородкой под нижней губой.

– Жалко, девчонок здесь нет, – хмыкнул Маржанов, усаживаясь на место и пододвигая Володе его кружку. – Можно было бы пригласить их, угостить. Ты бы их повеселил как-нибудь. А я такой – хоп, Алтушке позвонил. Как дела, бла-бла-бла. А рядом женский смех. Понервничала бы! Ей полезно.

Визитеры приблизились к столу наркоторговца. Кудрявый склонился к нему, что-то сказал. Барыга испуганно забормотал что-то, но возможности сопротивляться ему не дали – кудрявый быстро и незаметно нанес ему удар в живот. Легкий и молниеносный, но достаточный для того, чтобы согнулся пополам и принялся хватать ртом воздух. Качок подхватил его, и визитеры быстро повели типа с утиным носом к выходу.

Володя изумленно смотрел на все это.

– Офигеть, ты видел?

– Да кореша какие-то его, пусть идут...

– Какие кореша, они ему под дых двинули!

Володя встал и быстро направился следом. Когда он вышел из кафе на ночную улицу, то после ярко освещенного помещения не сразу увидел погруженный в темноту черный джип. Рама и Француз волокли к машине упирающегося барыгу, на ходу Рама двинул ему локтем в бок – Володя услышал, как барыга ёкнул от боли.

– Э, парни! Стойте!

На ходу Рама обернулся, но они не остановились: Француз открыл заднюю дверцу машины, и вдвоем они втолкнули внутрь барыгу.

– Э, вы что делаете? – Володя быстро приближался к машине.

– Отвали, – процедил Рама.

– Я из полиции. Вам проблемы нужны...?

Володя уже был в паре метров от машины, быстро просчитывая, с кого начать в случае сопротивления. Однозначно качок был более опасным. Володя уже сжал кулак, чтобы боковым ударом сокрушить его челюсть. Но в этот момент Рама выхватил пистолет и навел его на Володю. Черный зрачок ствола смотрел ему точно между глаз.

– Смылся, б... дь, быстро!

По спине Володи пробежал холодок. Он миролюбиво поднял руки.

– Не дури, слышишь? Ты же не будешь стрелять? В чем проблема?

Из «Досуга» вышел Маржанов с кружкой пива в руках. При виде напарника, которого держали на прицеле, он выронил кружку – и бросился на них:

– Ствол на землю! Полиция!

Рама дернулся, но Володе этого хватило: скользнув в сторону, он сжал руками кулак качка с пистолетом. Но выполнить болевой не успел – кулак Француза вынул из темноты и чугунным молотом ударил Володю в нос. Он упал, видя лишь яркие вспышки перед глазами и чувствуя, как его лицо заливают кровью.

– Назад, сука! – взревел Рама, стреляя в сторону Маржанова. Прогремел выстрел. Маржанов бросился в сторону, инстинктивно прикрывая голову руками. В тот же миг Рама и Француз прыгнули в джип – и автомобиль, взревев, сорвался с места.

Черным призраком джип вылетел на улицу. Стремительно набирая скорость, он рванул прочь. Фары вспыхнули, лишь когда джип исчезал за поворотом.

: (

– Девять миллиметров, – возвестил Митрошин, продевая в гильзу карандаш и поднимая им гильзу. Ему светил фонарем ППСник из ночной смены. Гензер шагнул к эксперту:

– Экспертизу когда проведешь?

– Федор Николаевич, у меня в ЭКО всего...

– У нас в сотрудника стреляли, – буркнул Гензер. – Мне все равно, сколько у тебя людей. К утру проведи экспертизу.

Митрошин, запуская гильзу в полиэтиленовый пакет, невесело вздохнул и, чтобы дать себе хоть какую-то отдушину, отправился к стайке постовых, которые обследовали угол «Досуга»:

– Нашли пулю, нет? Вы до утра копать собираетесь?

Территория перед заведением была забита машинами. Патрульные, «скорая», автомобили начальства и оперов – здесь была половина ночной смены и все руководство отдела. Приехал даже дежурный следователь из местного отдела СК. Стреляли в Елецке нечасто, и каждый выстрел из огнестрела был настоящим ЧП. Поодаль у частных домов кучками стояли местные, судача о произошедшем. Дежурный опер опрашивал посетителей, но перепуганные торговцы с рынка и любители поиграть в карты твердили одно —ничего не слышали, никого не видели, совершенно ничего не запомнили.

Володю осмотрел фельдшер.

– Перелома точно нет. Кровь прошла?

– Вроде. – Володя промокнул платком распухший нос. – Да ничего серьезного.

– Но на освидетельствование в больницу ты поедешь, – приказал Гензер, подходя к ним с похрипывающей рацией в руках. – И завтра занесешь справку, понял? Вы их номер запомнили?

– Машина боком стояла, – подал голос Маржанов. – Они свалили быстро очень, но ни фары, ни габариты не включили...

– А тачка?

– Внедорожник вроде бы.

– «Kia sportage», – сказал Володя. – Черный. Старая модель, лет десять ей, сейчас кузов другой совсем.

Буров успел приняться за пиво, когда ему позвонили из дежурки. К «Досугу» через весь город он рванул так быстро, как мог, и прибыл одним из первых. Как старший опер, всю работу до приезда начальства Буров взял на себя. Но похвастаться было нечем.

– «Перехват» молчит, – сказал он, выбираясь из дежурной «Газели». – Затихарились где-то. Из города они не выезжали.

– Точно? – усомнился Муртазин. – У нас со стороны железки только один выезд, там пост ДПС, а вот с юга и востока – одни дыры. Свалить можно любыми проселками.

– Гайцы сразу послали туда наряды, прочесывают все дороги на выезде. Говорю тебе, они в городе.

Фельдшер прыгнул в «Скорую», и она укатила на очередной вызов. Буров подошел к сыну, которого терзал распросами шеф угрозыска.

– Лица знакомые? Они местные, нет?

– Все может быть, – пожал плечами Володя. – В Елецке 30 тысяч человек живет, а с селами все 40 будет. Мы не можем знать всех. – поколебавшись, он добавил: – Их трое было.

Гензер удивился.

– Ты же сказал, двое?

– Третий за рулем. Ждал их. Вообще, товарищ майор... Они грамотно вели себя. Вошли, скрутили человечка и вывели. Внимания не привлекали, все быстро и незаметно. Если бы мы на барыгу глаз не положили, то и не заметили бы ничего особенного. Ну и плюс у них боевой ствол...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.